

О самом заветном

О самом заветном—это о нашей дружбе. О дружбе народов страны социализма—этом, пожалуй, самом чудесном, самом величественном завоевании Великого Октября.

Мне будет трудно говорить об этом: я не поэт, не писатель—я актер. Они, поэты, умеют найти вдохновенные слова и зримые образы для воплощения волнующих их мыслей и чувств. Наши поэты не раз в сочных, превосходных, идущих от сердца стихах воспевали братство советских народов, монолитную силу нашего единства. Вот почему мне трудно писать об этом—трудно не повториться.

Но что поделаешь, если в ответ на просьбу редакции—поделиться своими мыслями в канун годовщины Великого Октября—мне захотелось поговорить именно об этом—о самом заветном—о нашей дружбе.

У истоков этой дружбы стоял великий Ильич. Разве не знаменательно то, что вслед за первым декретом Советской власти («Власть—Советам!.. Мир—народам!») была провозглашена гениальная ленинская «Декларация прав народов России!» Мир и дружбу несли народам первые законы молодой Республики Советов, мир и дружба—этот лозунг пламенел на иссеченных пулями и ветрами багряных знаменах нашей революции. И семена братства народов, брошенные Ильичем в развороченную бурями Октября и гражданской войны землю, дали чудесные всходы—их взлелеяла великая ленинская партия коммунистов.

Не раз, не два—много, много раз писалось о том, что дала Россия моему многострадальному краю, какую роль сыграл удивительно щедрый и неистощимо талантливый русский народ в судьбе моего народа, пробужденного к новой жизни раскатистыми залпами «Авроры». Я не буду говорить здесь об этом. Не стоит много говорить и о том, как оказалась битой фальшивая карта Гитлера, делавшего ставку на развал многонационального Советского государства под первыми ударами бронированных полчищ фашизма. Не «вавилонское столпотворение», не «хаос взаимонистребления наций», а монолитное единство народов—братьев встретил фашизм на нашей земле. Сталинград вместе с русскими защищали и таджики. Киев плечом к плечу с украинцами освобождали и армяне. Среди белорусских партизан были и грузины, и русские, и казахи. На рейхстаге вместе с представителями десятков народов земли Советской расписался и туркменский поэт Пома Нурбердыев...

Святая дружба наших народов явилась одним из решающих факторов нашей победы над гитлеризмом.

Такими мы были всегда—и на поле брани, и в созидательном труде. Как-то, года два назад, когда еще строилась первая очередь голубой магистрали через Кара-Кумы, в одной из газет я прочел любопытную заметку. В ней говорилось, что на сооружении канала работают представители двадцати двух национальностей Советского Союза. Это только один факт, а как ярко отразилась в нем великая идея ленинской дружбы народов!

Дружба у нас—это не только широко распахнутые объятия гостям из братских республик, умные речи на торжественных приемах делегаций, щедрое гостеприимство, когда столы ломятся от обильных даров земли. Наша дружба скреплена кровью в жесточайших битвах за счастье Советской Отчизны, омыта соленым потом в созидательном труде. Это—никогда не забывается, это—всегда в нашем сердце. Но когда при мне произносятся два этих слова рядом—дружба народов—я вспоминаю не Каракумский канал и даже не штурм рейхстага. Нет, перед моими глазами встает другое—для меня наиболее зримое, наиболее яркое и конкретное воплощение этой дружбы—могучая рука Родины на пульсе поверженного в прах Ашхабада. О чудесной силе нашей дружбы, что помогла ашхабадцам превозмочь бе-

АМАН КУЛЬМАМЕДОВ,
народный артист СССР.

ду, талантливо написал Кара Сейт-лиев в «Балладе о Ленине» (как видите, я не случайно начал свои заметки со ссылки на поэтов—они и здесь сказали свое слово раньше и лучше меня):

...Когда везде кирпич еще

дымился,

Когда из всех под'ездов и ворот

Еще несли носилки,

Появился

Над Ашхабадом первый

самолет.

Затем из тучи вынырнул

нежданно

Второй

И третий—в море синевы.

Продукты привезли из

Казахстана

И прибыли лекарства из

Москвы.

И докторов прислал

Таджикистан,

И мастеров прислал

Узбекистан.

Приехали Киргизии посланцы,

Грузины, москвичи,

азербайджанцы,

Сюда, небесный бороздя

простор.

Где под крылом развалины

темнели,

Посланцы всех пятнадцати

сестер—

Шестнадцатой на помощь

подоспели...

...А Ленин, простирая руку

ввысь,

Всех направлял уверенно и

мудро.

У памятника Ленину сошлись

Народы

В то нерадостное утро...

Да простит меня читатель за

длинную цитату, но поэт сказал

именно то, что волновало и всегда

волнует меня при воспоминании о

землетрясении 1948 года, чему я

не мог найти нужных и весомых

слов.

А вот еще одно незабываемое

зримое воплощение идеи всена-

родной дружбы—на этот раз оно

праздничное, многоцветное, мно-

гозвучное. Я имею в виду недав-

ную поездку мастеров искусств

Туркменистана по девяти респуб-

ликам Советского Союза, по вели-

чественному маршруту дружбы,

как справедливо (с легкой руки

журналистов) назвали нашу по-

ездку. О творческих итогах наших

гастролей я уже как-то имел воз-

можность рассказать читателям

«Туркменской искры». Но как

рассказать о той атмосфере непод-

дельной доброжелательности,

дружбы и сердечности, которой

мы дышали в дни гастролей, ко-

торая буквально окрыляла нас во

время концертов? В какую бы

столицу мы ни прибывали—в Ба-

ку или Тбилиси, Киев или Минск,

Таллин или Ригу—в аэропорту

или на железнодорожном вокзале

нас встречали сотни людей, море

цветов, гром оркестров. Мы ни-

когда не думали, что в Киеве или

Тбилиси у нас есть столько дру-

зей: мы, туркменские артисты,

шли сквозь расступившуюся тол-

пу (это было в Киеве, вечером),

а до нас то и дело долетало:

«Здравствуй, Майя!», «Привет

Ходжоу!», «Как здоровье, Аман?!»

Может быть, Майю Кулиеву, Ход-

жоу Аннадурдыева или меня уз-

навали по портретам, расклееным

по городу, а может быть, в толпе

действительно были люди, знав-

шие нас, наши друзья? Ну, конеч-

но—друзья! Это мы могли почув-

ствовать сразу, как только ступа-

ли на землю Украины или Арме-

нии, Белоруссии или Эстонии.

Выступали мы всегда перед чуж-

дой и благодарной аудиторией, пе-

ред переполненными залами. Успех

всегда был безусловный и

удивительный—удивительный по-

тому, что выступали-то мы на

туркменском языке. Видно, искус-

ство действительно сближает на-

роды, а дружба раскрывает серд-

ца, ведь говорят же: в любви и

дружке—сердце сердцу весть по-

дает...

...Кто только не клеветал на

нашу чудесную Родину, кто толь-

ко не пытался очернить великую

дружбу народов страны социализ-

ма, не лил крокодильи слезы по

поводу какого-то мифического

«колониального Туркестана». Та-

кой Туркестан существует разве

только в больном воображении господ Сульцбергеров, Олсопов и других продажных журналистов буржуазной прессы. Не так давно один из них—некий Б. Хайит из швейцарской газеты «Базлер нахрихтен»—истерически восклицал: «Туркестан стал демонстрационным залом Советов на Востоке»..., «Москва вторгается в духовную жизнь Востока!».

Смешны потуги рыцаря черной сенсации г-на Хайита оклеветать Москву—весь мир знает о благородной роли великого русского народа в экономическом и духовном возмужании ранее закабаленных окраин империи Романовых. А если иметь в виду конкретные судьбы, то я могу с гордостью сказать: «Я очень рад, что Москва «вторглась» в мою духовную жизнь!». Я никогда не забуду, какую огромную роль сыграл в моей творческой биографии профессор И. М. Раевский, с которым я работал бок о бок два года—в 1945—1946 гг.—во МХАТе. Я как святыню храню в своей памяти и в сердце незабываемые встречи со Станиславским и Немировичем-Данченко, самой драгоценной для меня дружбой была дружба с артистами МХАТа Качаловым и Москвиным. Именно эти корифеи русской сцены открыли мои глаза на высокое Искусство с большой буквы, именно они, замечательные русские люди, вторглись в мою духовную жизнь и обогатили ее!

Если продолжать этот разговор о пресловутом «вторжении Москвы», то лучшим ответом идеологам и защитникам империализма будет выступление Н. С. Хрущева на Генеральной Ассамблее ООН. Советский премьер привел поразительные цифры и факты роста экономики и культуры республик Средней Азии и Казахстана за годы Советской власти. Позволю себе привести из этой речи только одну цитату, касающуюся нашего спора с господами хайитами по вопросу о «духовной экспансии» Москвы.

«На каждые десять тысяч жителей этих республик,—говорит Н. С. Хрущев,—приходится в среднем 88 студентов высших учебных заведений и 73 учащихся техникумов, не считая большого количества молодежи, уехавшей учиться за пределы своих республик—в Москву, Ленинград, Киев, Харьков, Саратов, Новосибирск, Томск и другие культурные центры. Напомним, что во Франции на каждые десять тысяч жителей приходится лишь 40 студентов высших учебных заведений, в Италии—34, а в Западной Германии—31, то есть почти в 3 раза меньше, чем в советской Средней Азии».

Вот оно—«вторжение Москвы» в духовную жизнь народов бывших колоний царизма. Это—возрождение национальных культур, расцвет науки, искусства и литературы, взаимное духовное обогащение народов многонациональной страны через посредство великой русской культуры, богатейшего русского языка, с помощью замечательных русских ученых, писателей, деятелей искусства. У нас в народе справедливо говорят: «Навсегда туркмен теперь богат, потому что русскому он—брат».

А если всерьез говорить о вторжении, господа сульцбергеры, то не лучше ли сорвать маски с пресловутой американской «помощи» слаборазвитым странам? Не лучше ли сорвать маски с колонизаторов, разрывающих на части Конго, угрожающих свободной Кубе, расстреливающих патриотов Алжира, бросающих в тюрьмы славных сынов Греции? Старый лозунг императоров Рима—разделяй и властвуй—в несколько подмадеванном и модернизированном виде лежит в основе политики новоженных претендентов на мировое господство. Но час колониализма пробил. Народы мира не хотят больше нести ярмо колониального гнета, они пробуждаются к жизни, рвут цепи рабства. И над всей землей, над всеми странами и континентами несется сегодня страстный клич, рожденный в пламени Великого Октября: «Мир—народам!»

А мир—лучшая дорога к дружбе и братству народов земли.

«ТУРКМЕНСКАЯ ИСКРА»
Г. Ашхабад

№ 6 НОЯБРЬ 1960